

Николай Гавриловичъ Чернышевскій.

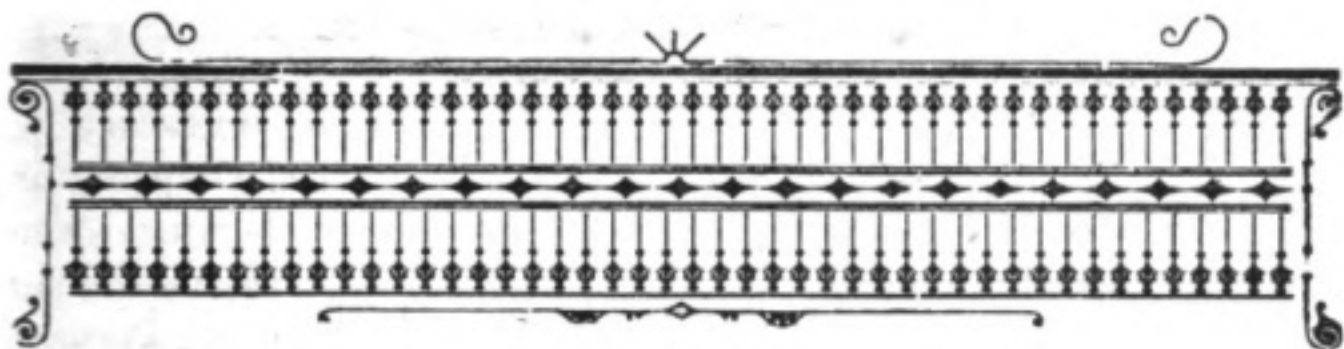
(Наброски по неизданнымъ матеріаламъ).

Вмѣсто предисловія.

Кому принадлежитъ честь составленія первой подробной біографіи Чернышевскаго?

Несомнѣнно, первымъ изслѣдователемъ этого вопроса, поставившимъ собраніе матеріала на должную высоту, — былъ преподаватель саратовскаго епархіальнаго училища, Флегонтъ Васильевичъ Духовниковъ. Его статья „Николай Гавриловичъ Чернышевскій“ („Русская Старина“, 1890, IX) была *первымъ* серьезнымъ трудомъ, сообщившимъ массу провѣренныхъ свѣдѣній о жизни великаго писателя. Покойный изслѣдователь задумалъ дать полную біографію Н. Г., для чего собралъ массу матеріала путемъ записи разныхъ разсказовъ о жизни Чернышевскаго, слышанныхъ часто отъ лицъ, близкихъ къ Николаю Гавриловичу. Біографія задумана была широко; авторъ думалъ дать освѣщеніе той среды, въ которой родился, росъ и жилъ Чернышевскій; Духовниковъ старался отмѣтить тѣ вліянія, которыя сказались на Чернышевскомъ, и, преслѣдуя иногда цѣли апологетическія, старается защитить Николая Гавриловича отъ нападеній его враговъ, искажавшихъ часто факты изъ жизни писателя и пускавшихъ про него сплетни не только въ обществѣ, но и въ литературѣ.

Въ свое время (1890 г.) Духовниковъ напечаталъ только начало статьи; печатаніе продолженіе ему не удалось: цензура придралась къ либеральному предмету статьи и, хотя для книжекъ „Русской Старины“ часть статьи была уже набрана, — пришлось отказаться

Николай Гавриловичъ Чернышевскій.

(Наброски по неизданнымъ матеріаламъ).

Вмѣсто предисловія.

Кому принадлежитъ честь составленія первой подробной біографіи Чернышевскаго?

Несомнѣнно, первымъ изслѣдователемъ этого вопроса, поставившимъ собраніе матеріала на должную высоту, — былъ преподаватель саратовскаго епархіальнаго училища, Флегонтъ Васильевичъ Духовниковъ. Его статья „Николай Гавриловичъ Чернышевскій“ („Русская Старина“, 1890, IX) была *первымъ* серьезнымъ трудомъ, сообщившимъ массу провѣренныхъ свѣдѣній о жизни великаго писателя. Покойный изслѣдователь задумалъ дать полную біографію Н. Г., для чего собралъ массу матеріала путемъ записи разныхъ разсказовъ о жизни Чернышевскаго, слышанныхъ часто отъ лицъ, близкихъ къ Николаю Гавриловичу. Біографія задумана была широко; авторъ думалъ дать освѣщеніе той среды, въ которой родился, росъ и жилъ Чернышевскій; Духовниковъ старался отмѣтить тѣ вліянія, которыя сказались на Чернышевскомъ, и, преслѣдуя иногда цѣли апологетическія, старается защитить Николая Гавриловича отъ нападеній его враговъ, искажавшихъ часто факты изъ жизни писателя и пускавшихъ про него сплетни не только въ обществѣ, но и въ литературѣ.

Въ свое время (1890 г.) Духовниковъ напечаталъ только начало статьи; печатаніе продолженіе ему не удалось: цензура придралась къ либеральному предмету статьи и, хотя для книжекъ „Русской Старины“ часть статьи была уже набрана, — пришлось отказаться

отъ ея печатанія. Эта часть работы Духовникова, имѣющая въ себѣ массу новыхъ данныхъ, напечатана въ „Русской Старинѣ“ въ 1910—11 годахъ. Покойный изслѣдователь жизни Чернышевскаго не далъ вполнѣ законченнаго труда. Трудъ его обрывается на разсказѣ о событіяхъ—до ареста Николая Гавриловича. Но въ матеріалахъ, собранныхъ Духовниковымъ, есть масса свѣдѣній, могущихъ дать богатѣйшій матеріалъ для описанія дальнѣйшей жизни и дѣятельности писателя. Флегонтъ Васильевичъ не могъ ихъ обработать, вѣроятно причиной этому были слѣдующія обстоятельства: Духовниковъ видѣлъ, что при цензурныхъ условіяхъ того времени (1890-ые годы) нечего было и думать о напечатаніи всего изслѣдованія; къ тому же, и недугъ Ф. В-ча (чахотка) не давалъ благопріятныхъ условій для литературной работы. Матеріалы остались неразработанными. Можетъ быть, они и не всѣ сохранились. Это—тѣ самыя рукописи, которыя разыскивалъ В. Е. Вѣтринскій, авторъ нѣсколькихъ статей о Чернышевскомъ.

Благодаря любезности Маріи Викторовны, вдовы Ф. В. Духовникова (по второму браку — Шмелевой), я получилъ возможность вполнѣ использовать эти черновыя записки покойнаго изслѣдователя. Оказалось, что далеко не весь собранный матеріалъ былъ использованъ Флегонтомъ Васильевичемъ. Нашлась масса въ высшей степени интересныхъ свѣдѣній, пополняющихъ то, что мы уже знаемъ о Чернышевскомъ. По мѣрѣ силъ, я обработалъ этотъ матеріалъ. Во многихъ частяхъ мой разсказъ не полонъ,—это объясняется недостаткомъ матеріала; иногда въ бумагахъ Духовникова тотъ или другой разсказъ не имѣетъ конца, иногда одинъ и тотъ же разсказъ встрѣчается въ нѣсколькихъ редакціяхъ. При изложеніи, я, понятное дѣло, выбиралъ редакцію наиболѣе полную и дополнялъ ее вариантами изъ другихъ мѣстъ матеріаловъ. Кое-что пришлось опустить (о лицахъ живущихъ, главнымъ образомъ, — объ Ольгѣ Сократовнѣ—вдовѣ Н. Г. Чернышевскаго).

Нѣкоторыя (очень немногія) свѣдѣнія заимствованы мной изъ личныхъ воспоминаній другихъ лицъ о Чернышевскомъ; архивъ саратовской консисторіи тоже не былъ оставленъ безъ вниманія.

Въ заключеніе приношу благодарность М. В. Шмелевой за разрѣшеніе пользоваться матеріалами и Г. Г. Дыбову за содѣйствіе при работѣ.

I. Родители.—Пыпины.—Дѣтство.

Отецъ Н. Г. Чернышевскаго, Гавріиль Ивановичъ, священникъ Сергіевской (Нерукотворенно-Спасской) церкви г. Саратова, въ молодости умѣлъ писать стихи ¹⁾).

¹⁾ Вотъ канва для его біографіи.

1803. 9. V. Поступилъ въ пензенскую семинарію, гдѣ и кончилъ курсъ.

1812. 17. IV. Опреѣленъ въ ту же семинарію преподавателемъ греческаго языка.

1814. 15. V. Опреѣленъ сеніоромъ той же семинаріи.

1816. 18. XII.—Учитель пѣтическаго класса (тамъ же).

1817. Библіотекаръ (тамъ же).

1818. 24. VI. Рукоположенъ во священника Нерукотворенно-Спасской церкви г. Саратова.

1819. Опреѣленъ увѣщателемъ подсудимыхъ по саратовскимъ присутственнымъ мѣстамъ.

1820. I. 20. Опреѣленъ учителемъ въ саратовское уѣздное училище въ высшее отдѣленіе по греческому языку съ соединенными съ нимъ предметами.

— Въ томъ же году—законоучитель въ саратовскомъ институтѣ благородныхъ дѣвицъ.

1822. 19. II. Опреѣленъ инспекторомъ саратовскихъ уѣзднаго и приходскихъ духовныхъ училищъ.

1822. Назначенъ довѣреннымъ лицомъ со стороны духовенства при ежемѣсячныхъ испытаніяхъ въ Законѣ Божіемъ и священной исторіи въ саратовскомъ народномъ училищѣ.

1824. Объявлена благодарность за ревизію.

1825. Провзведенъ въ протоіереи.

1826. Опреѣленъ присутствующимъ въ саратовскомъ духовномъ правленіи.

— Получена благодарность за отличное прохожденіе училищныхъ должностей.

1828. 26. V. Гавріиль Ивановичъ—благочинный по г. Саратову.

— 12. X. За отличные успѣхи, оказанные Г. И. по званію депутата со стороны духовной въ увѣщаніи раскольниковъ и по другимъ дѣламъ, до старообрядцевъ касающимся, награжденъ бархатной фіолетовой скуфьею.

— 30. XII. Назначеніе членомъ саратовской духовной консисторіи.

1830. 29. VIII. Уволенъ, по своему желанію, отъ училищныхъ должностей.

1832. Опреѣленіе членомъ строительной комиссіи по постройкѣ архіерейскаго дома.

1833. Пожалованъ фіолетовой камилавкой.

— 16. XII. Назначеніе благочиннымъ женскаго монастыря.

1835. 23. IV. Объявлена благодарность отъ преосвященнаго Іакова за открытіе мѣстожительства бѣглаго священника (изъ пензенской епархіи), Архангельскаго, исправлявшаго требы у раскольниковъ и за содѣйствіе полиціи въ поимкѣ его.

По своему характеру—это былъ очень скромный человѣкъ. Никогда и ни предъ кѣмъ не хвалился онъ своими знаніями и своимъ положеніемъ въ обществѣ. Гавріилъ Ивановичъ отличался честностью: жилъ почти исключительно на доходы своей церкви, считавшейся въ городѣ аристократической. Хотя Г. И. и не отказывалъ себѣ ни въ чемъ,—покупалъ, напр., цѣнныя книги, но никогда не бралъ взятокъ съ духовенства, какъ членъ консисторіи, подобно другимъ членамъ, наживавшимъ громадныя состоянія взятками. Напротивъ, онъ даже помогалъ бѣднымъ изъ духовенства какъ деньгами, такъ и одеждой. Н. С. Соколовъ ¹⁾ опровергаетъ П. И. Мельникова ²⁾, считавшаго Гавріила Ивановича взяточникомъ, нажившимъ себѣ большое состояніе; Соколовъ говоритъ, что Чернышевскій нажилъ только домъ на свои доходы, но и это не вѣрно: домъ нажить тестемъ, и принадлежалъ женѣ Гавріила Ивановича, Евгеніи Егоровнѣ (другой домъ пошелъ въ приданое за Александрой Егоровной !Пыпиной). О честности его говоритъ и производство (1825) въ протоіереи за *отлично-усердную службу и примѣрно-честное* поведеніе; въ 1837 г. ему, какъ члену строительной ко-

---

1837. Командировка въ Средне-Никольскій монастырь для принятія его въ епархіальное вѣдомство, по обращеніи изъ раскола.

14. V. Получилъ наперсный крестъ.

Въ томъ же году—благодарность отъ синода за труды по постройкѣ архіерейскаго дома и сбереженіе при этомъ суммъ.

1842. Опредѣленъ благочиннымъ мужского Спасо-Преображенскаго монастыря.

1843. 18. XI. Уволенъ отъ присутствованія въ консисторіи за неправильную запись незаконнорожденнаго сына маіора Протопопова, Якова, родившагося черезъ мѣсяцъ послѣ брака; при этомъ, епархіальнымъ архіереемъ предоставлено Гавріилу Ивановичу занимать при богослуженіи (архіерейскомъ) то же мѣсто, которое онъ занималъ, будучи членомъ консисторіи; 1850 указомъ синода (15. VII), это дѣло велѣно не считать препятствующимъ на будущее время къ награжденію знаками отличія.

1844. 14. XI. Командировка въ Вольскъ въ саратовскій батальонъ военныхъ кантонистовъ для изысканія средствъ, могущихъ болѣе благопріятствовать обращенію евреевъ изъ кантонистовъ, гдѣ вмѣстѣ съ законоучителемъ и обращено имъ 15 человѣкъ такихъ, которые своимъ вліяніемъ останавливали прочихъ обращаться въ христіанство.

1852. Получилъ орденъ Анны 3-ей степени.

1856. 29. VIII. Перемѣщенъ каедральнымъ протоіереемъ, при оставленіи благочиннымъ.

1857. 17. IV. Полученіе ордена Анны 2-й степени.

1858. Награжденъ палицей.

¹⁾ Расколъ въ саратовскомъ краѣ. Саратовъ. 1888, т. I.

²⁾ Матеріалы для исторіи хлыстовской и скопческой ересей. „Чтенія въ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ“, 1873 I. отд. V.

миссіи, была объявлена благодарность синода за труды по постройкѣ архіерейскаго дома и *сбереженіе* въ пользу казны денегъ.

Проповѣди Г. И. говорилъ безъ тетрадки. Ему пришлось составить описаніе обращенія иргизскихъ раскольническихъ монастырей, хранящееся теперь въ библіотекѣ саратовской семинаріи ¹⁾.

Дома, у Чернышевскихъ выписывались, между прочимъ, „Московскія Вѣдомости“, разъ какъ-то Г. И. прекратилъ выписку,—не прошло и двухъ недѣль, какъ нашего любителя чтенія забрала скука, и онъ послалъ деньги въ редакцію. Изъ духовныхъ журналовъ Г. И. выписывалъ „Христіанское Чтеніе“.

Интересно отмѣтить, что Гавріиль Ивановичъ прекрасно зналъ колокола всѣхъ саратовскихъ церквей. По долгу благочиннаго, онъ долженъ былъ слѣдить за своевременнымъ звономъ въ церквахъ; и, вотъ, бывало, сидитъ онъ на крылечкѣ своего дома, и слушаетъ, какъ звонятъ. Въ случаѣ какихъ упущеній—онъ уже знаетъ, гдѣ именно опоздали.

Мать Николая Гавриловича, какъ женщина болѣзненная, имѣла вялый, пришибленный видъ; это отразилось на виѣшности и ея сына, Николая. Большую (женскою болѣзнью), ее никто не видѣлъ веселой; больше она лежала. Поэтому, въ хозяйствѣ ее часто замѣняла ея сестра, Александра Егоровна; она же принимала и гостей, приходившихъ въ отсутствіе Гавріила Ивановича.

Когда родился Н. Г., о. Гавріиль записалъ въ метрикѣ своей церкви.

Часть первая о рождающихся.

№	Число рожденія.	У кого кто родился.	Число крещенія.	Кто восприемники.
86	Іюль 12	Сей церкви Протоіерея Гавріила Ивановича Чернышевскаго сынъ Николай.	13	Протоіерей Ѳеодоръ Стефановичъ Вязовскій, Пензенской Семинаріи Профессоръ Г. Магистръ Василій Сергѣевичъ Воронцовъ, вдова протоіерейша Пелагія Иванова Голубева.

Крестилъ вышеозначенный протоіерей Вязовскій съ причтомъ сей церкви

(Метрическая книга г. Саратова за 1828 годъ, Саратовской Нерукотворенно-Спасской церкви) [арх. Саратовск. духовн. консисторіи].

¹⁾ Теперь этой рукописи тамъ нѣтъ. Она издана свящ. Д. Александровымъ въ „Самарскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ“, 1900, № 6.

Большое вліяніе на Николая Гавриловича имѣла его двоюродная сестра, Любовь Николаевна. Она играла на фортепьяно; Н. Г. увлекся игрой, и занимался въ дѣтствѣ музыкой до тѣхъ поръ, пока Любовь Николаевна не вышла замужъ, а вмѣстѣ съ нею исчезло изъ дома и фортепьяно.

„Николай Гавриловичъ“, говорилъ дьяконъ Сергіевской церкви, Я. Ѳ. Алфіоновъ-Подольскій, „вышелъ весь въ отца. Г. И. далъ ему во всемъ полную волю: что хотѣлъ Николай, то и дѣлалъ; зналъ отецъ, что ничего дурного онъ не сдѣлаетъ, и точно, не дѣлалъ. Обычно въ другихъ семействахъ, что какъ отецъ изъ дома,— и дѣти вмѣсто того, чтобы учиться, пойдутъ играть. А Н. Г. все сидитъ надъ книгой или за газетой.

Бывало, придешь и скажешь: „Вѣрно, занятная книжка, что читаете?“

— „Занятная, говоритъ, отецъ дьяконъ“.

— „Вы бы поиграли“.

— „Да, я и поиграю“.

Другіе товарищи столько времени играютъ, сколько онъ читаетъ. Вотъ, онъ какой былъ маленькимъ.

Играть тоже лютый какой былъ! Да, развѣ это зазорно? Тутъ не отъ кого было набраться дурныхъ примѣровъ: товарищи-то всѣ — хорошіе, да сановные. К. П. Трудкинъ могъ бы быть впоследствии губернаторомъ; Аргамаковы, Александръ, Иванъ и Тимофей Умновы, В. Д. Чесноковъ—самый закадычный другъ Николая Гавриловича, — всѣ вышли въ хорошіе люди. И въ играхъ-то онъ необыкновенный былъ. Другіе-то шалятъ, мѣшаютъ другимъ, а онъ во время игры никого не обидитъ.

Разъ Н. Г. гонялся за павлиномъ по двору, чтобы перо изъ хвоста выдернуть. Тотъ осердился, да клювомъ такъ хватилъ его, что выхватилъ мясо. А то катался онъ по двору, да накатился на колъ,—ему и распорол подбородокъ. Шрамъ на подбородкѣ остался у Чернышевскаго на всю жизнь. А разъ у портного Бердникова вывѣску съ гвоздей сорвалъ и бросилъ на землю; хотѣлъ было разломать ее, да Александръ Николаевичъ (Пыпинъ) остановилъ. Озорникъ былъ!

По наружности онъ тщедушный былъ, волосы рыжіе, золотистаго цвѣта, лицо бѣлое.

А какъ къ отцу—матери почтителенъ былъ! Но и они не какъ другіе обращались съ нимъ: пальцемъ никогда не трогали, да и не за что было. Между собой это были настоящіе друзья. Поэтому, очень хотѣлось потомъ родителямъ, чтобы сынъ поступилъ на

службу въ Саратовѣ, когда кончить ученье въ Петербургѣ. И впоследствии Н. Г. сдѣлалъ это для нихъ.

Я ходилъ къ нему и, какъ старшій, пилъ чай въ отдѣльной комнатѣ“.

Ближайшими родственниками Чернышевскихъ были Пыпины. Это семейство было прекрасное, особенно мать, преумная, претактичная и разсудительная особа. Здѣсь каждый членъ семьи зналъ и исполнялъ свое дѣло. Отецъ добывалъ деньги; жена его, Александра Егоровна, заботилась о мужѣ и дѣтяхъ, при чемъ своего мужа она не допускала до хозяйства, находя это обременительнымъ для мужа. Она старалась возможно лучше обставить ему жизнь. Въ ея же рукахъ было и все хозяйство Чернышевскихъ; оба семейства даже обѣдали вмѣстѣ, хотя и жили въ разныхъ домахъ.

Александра Егоровна со всѣми обращалась въ высшей степени гуманно. Но особенно бросалось въ глаза воспитаніе дѣтей. Никогда не говорила она при дѣтяхъ того, что бы могло оказать на нихъ вредное вліяніе. Когда дѣти учились въ гимназій, — тамъ много творилось такого, что заставляло о себѣ говорить, и А. Е. иногда съ жаромъ разсуждала съ знакомыми о гимназической жизни. Если во время такого разговора входилъ сынъ-гимназистъ, — разговоръ немедленно переводился на другую тему.

„При дѣтяхъ нельзя говорить. Они меня такъ любятъ, что каждое мое мнѣніе о людяхъ для нихъ не допускаетъ ни малѣйшаго сомнѣнія. Они могутъ пересказать другимъ, могутъ смотрѣть моими глазами на этихъ лицъ, а этого — не дай Боже“ говорила она!

Имѣя много своихъ дѣтей, учившихся въ гимназій, и принимая участіе въ дѣтяхъ своихъ родственниковъ и знакомыхъ, которыя (дѣти) учились въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ Саратова, она знала порядки почти всѣхъ учебныхъ заведеній города въ продолженіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ. На ея глазахъ открылись почти всѣ эти заведенія, она пережила многихъ начальниковъ ихъ; поэтому, Александра Егоровна вполне могла судить о нихъ, тѣмъ болѣе, что дѣти ея, всегда находя у ней чисто-материнскій пріемъ, передавали ей свои горести и находили въ ней свою постоянную утѣшительницу. По большей части, горе дѣтей сводилось къ тому, что „наказали больно“.

„За что!“ спросить мать.

И мальчикъ разсказывалъ часто цѣлую исторію, иногда очень не рекомендуя начальствующихъ лицъ въ учебныхъ заведеніяхъ.

Саратовское духовенство, знавшее Александру Егоровну, отно-

силось къ ней съ почтеніемъ и уваженіемъ за ея природный умъ и доброе, сердечное отношеніе къ тѣмъ, которые чѣмъ-нибудь себя запятнали. Она почти всегда умѣла находить извиненіе тому или другому проступку.

Добрыми же качествами отличались и остальные члены этого семейства.

Отецъ, Николай Дмитріевичъ, человѣкъ простой, чиновникъ, постоянно занятый службой, отличался остроуміемъ. Гавриилъ Ивановичъ особенно цѣнилъ въ этой семьѣ ея религіозность, религіозность не фарисейскую, которой отличаются многіе, а истинную. Сергіевскую церковь, гдѣ служилъ Г. И., они называли *нашей*. Каждый праздникъ въ придѣлахъ этой церкви былъ праздникомъ и Пыпиныхъ. Поэтому, время многихъ событій въ семьѣ опредѣлялось (и опредѣляется, писалъ Ф. В. Духовниковъ въ 1890-хъ гг.) этими престольными праздниками. Н. Д., отецъ семейства неизмѣнно посѣщалъ эту церковь и въ глубокой старости (въ 1890-хъ годахъ ему было около 90 лѣтъ), хотя и при посредствѣ другихъ.

Дѣти особенно любили играть въ учителя. Въ игрѣ принимали участіе Умновы, Аргамаковы, Пыпины и Николай Гавриловичъ. Директоромъ бывалъ обычно Н. Г., который и руководилъ играми. Дѣти постарше изображали изъ себя инспектора и учителей, а помладше—учениковъ. На этихъ играхъ дѣти изощряли свое остроуміе, здѣсь же учились читать и писать. Дѣти всѣ выучились читать сами: азбукъ у нихъ въ рукахъ не бывало. Въ то время, какъ ихъ старшая сестра, Любовь Николаевна, училась читать,—другія дѣти прислушивались къ чтенію и присматривались къ письму, а иногда обращались къ ней за разъясненіями. Такъ незамѣтно для родителей выучились читать и писать всѣ дѣти Пыпиныхъ, а съ ними и Николай Гавриловичъ.

Дѣти любили складывать слова и находить буквы по „Московскимъ Вѣдомостямъ“.

— „Мамочка, такъ эта буква читается? А это такая буква? А все слово такъ-ли читается?“

— „Мамочка! Послушайте, какъ я прочелъ слово,“ обращается разъ сынъ при гостяхъ.

— „Будетъ читать, Петя, положи газету и играй“, говоритъ мать. Мальчуганъ неохотно исполняетъ приказаніе.

— „Что вы, Александра Егоровна, не покажете ему? Видите, какъ ему хочется читать?“ обращаются къ ней знакомые.

— Для дѣтей чтеніе теперь тоже лакомство или игра. Но если ихъ не останавливать, то они будутъ читать до утомленія, и

тогда охота къ чтенію у нихъ пропадетъ. Вотъ, почему я и запрещаю имъ долго читать“

У дѣтей Пыпиныхъ былъ своеобразный методъ взаимнаго обученія,—тотъ самый ланкастерскій методъ, который господствовалъ въ школахъ того времени, съ тѣмъ только отличіемъ, что въ школѣ этотъ методъ вводилъ учитель, а въ семействѣ Пыпиныхъ къ нему привела дѣтская любознательность.

Большимъ удивленіемъ для родителей было, когда ихъ сынъ, Саша, легъ внизъ животомъ на полъ и написалъ мѣломъ: *Пыпинъ*. Но ни однимъ словомъ не высказали они своего удивленія при дѣтяхъ, хотя послѣ и порадовались за сына.

Въ своихъ играхъ дѣти любили острить и разсуждать, напр., о томъ, сколько бы процентовъ можно получать въ годъ, если бы Адамъ положилъ въ банкъ копѣйку.

Старшій сынъ, напуганный кѣмъ-то въ дѣтствѣ, на всю жизнь остался ненормальнымъ; онъ пользовался особеннымъ вниманіемъ и уходомъ въ семьѣ.

А. А. Лебедевъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

